

ТОЛЬКО перед вечером солнце пробило толщу туч, и вода в озере, прежде свинцово-серая, теперь стала казаться желтой. Еще больше обозначилась темнота в глубоких местах, засверкала прозрачная рябь на отмелях.

Почти все население дома отдыха потянулось к пляжу. Здесь, на Яльчике, в предпоследнюю, августовскую смену отдыхали артисты марийского и русского театров. Обе труппы недавно вернулись из гастрольной поездки, и нашлось немало людей, которые предпочли известные здравницы этому милому «своему» дому отдыха.

Взгляды многих задерживались на стройной черноглазой женщине, одетой и причесанной с такой тщательностью, словно не было кругом ни ковбоек, ни веселеньких сарафанчиков, ни джинсов, ни кедр. Я уже немало знаю Людмилу Павловну Жирецкую, мы вместе недавно вернулись из украинских гастролей, поэтому меня не удивил ее вид. Она всегда такая — подтянутая, собранная.

Сейчас она стояла, прислонившись к сосне, подставив лицо неярким лучам солнца, и ее дочь-подросток прижалась к ней, и как-то не верилось, что у этой, похожей на студентку женщины такая девочка, почти с нее ростом и есть другая дочь, еще постарше.

— Какие колдовские места, — сказала Людмила Павловна Жирецкая, обернувшись на мой взгляд. — В таком обрамлении играть бы чеховскую «Чайку». Удивительное озеро... Помните: «О вы, почтенные старые тени, которые носите в ночную пору над этим озером...».

— А вам не доводилось быть Ниной Заречной?

— Не пришлось. Такая роль — словно далекий огонек для нас, артистов. Дотянуться нелегко, а манит всю жизнь.

Мы помолчали и стали глядеть на белые лодки, скользящие по воде.

— Только не надо думать, что я считаю себя обделенной судьбой, — тихо сказала Людмила Павловна и неизвестно поначалу было, к кому относятся эти слова — ко мне или к ее дочери. — Теперь девчонки-старшеклассницы иной раз как-то стесняются употребить слово «идеал», а для меня идеалом с детских лет и на всю жизнь была артистка Анна Покидченко. В пору моей юности она работала в Оренбургском театре, а мы жили неподалеку от этого города. Бывало, слушаешь ее, и сердце переполнено радостным предчувствием счастья; и я так смогу! А потом, после спектакля, бродишь по улицам, шепчешь фразы из ее роли и с отчаянием чувствуешь: не выходит! Я уже тогда поняла, что чудеса на свете не бывает, только трудом можно пробить себе дорогу на сцену.

— А ты расскажи про счастливый случай, — напомнила дочь.

Людмила Павловна рассмеялась.

— Она любит, когда я рассказываю о своем неожиданном дебюте. Я ведь после десятилетки стала учиться в студии при Оренбургском театре, и меня уже тогда занимали в некоторых спектаклях. На самых маленьких ролях, конечно. Но я знала наизусть все пьесы, которые у нас игрались, хотя самсы приходилось проносить одну-две реплики. Актерам была известна эта слабость, надо мной подшучивали, но когда внезапно заболела исполнительница главной роли в спектакле «В сиреневом саду», многие предложили: «А не

рискнуть ли нам выпустить Люду? Не отменять же спектакль».

Счастливый случай в жизни актера... После разговора на берегу Яльчика я долго размышляла об этом. Как охотно обычно пишут о нежданном и негаданном актерском везении. И как, в сущности, мало оно значит, если нет трудолюбия, профессионализма, гражданской зрелости. Когда Людмила Павловна девять лет назад приехала в Йошкар-Олу, в ее творческой жизни уже были главные роли во многих спектаклях.

Среди них — и Лариса из «Бесприданницы», и Дезде-

мела передать тот душевный настрой, когда каждый взгляд, каждое тихое движение красноречивее многих слов?

Эта главная тема в ее творчестве — прославление стойкости и достоинства женщины может решаться и «методом отрицания», показом того, как духовно беден человек, не умеющий подняться над мирком эгоистических вожделений.

Я вспомнила ее в роли Лидии Чебоксаровой в спектакле «Бешеные деньги» по пьесе А. Островского. Красивые глаза с наивным лукавством смотрели на окружающих ее поклонников. Ка-

Не сразу распознаешь Жирецкую на фотопортрете, запечатлевшем ее в роли Талановой. Седые волосы, очки, болезненно запавшие глаза. Но какой большой нравственной силой веет от этой старой женщины. Она и впрямь «железная старушка», как отзывается о ней один из персонажей «Нашествия». Впрочем, «железная» она — перед лицом врага. Мы видим ее материнскую слабость, незащищенность, видим, как суетится она перед вернувшимся из заключения Федором, и за всем этим читается страх за сына. Каждая ерническая выходка Федора словно гасит свет в глазах матери. Только один раз взрывается она: «Он трус, он жалкий трус!» — вырывается крик из ее груди. И мы понимаем, что для нее «струсить» и «предать» — одинаковые по смыслу слова. Но вот страшная сцена допроса Федора в присутствии его родителей. Именно в эти трагические мгновения лицо матери озаряется внутренним огнем. Это — огонь скорби, огонь иступленной ненависти к врагу. Но он больше говорит о жизни души, чем покорном ожидании беды.

После той встречи на берегу озера мне долго не приходилось разговаривать с Людмилой Павловной. Изредка мы встречались на лесных тропинках. Но вот к концу смены кто-то бросил камушком в балконную дверь моей комнаты.

— Иду прощаться с озером. Не хотите ли со мной? — предложила Людмила Павловна.

И вот мы снова стоим на высоком берегу, откуда хорошо видна вся привольно разлившаяся среди лесов водная гладь. А на другой стороне все более различными становятся огоньки костров. И эти поначалу робкие, а потом все более обжигающие огни придают особую законченность и пейзажу, и славному осеннему вечеру.

— Жалко уезжать отсюда?

— Я уже соскучилась по театру. Перед началом сезона все мы, артисты, испытываем беспокойство и приподнятое настроение. Каковы-то будут встречи с новыми ролями, новыми судьбами? Хорошую роль «кожей чувствуешь». Играешь с наслаждением, восторгом. Она, как огонек, согревает. Побольше бы таких огней в жизни! Наш театр мне многое дал. Я имею в виду не только звание заслуженной артистки Марийской республики, хотя я, конечно, очень благодарна за него и за звание лауреата Государственной премии Марийской АССР. Здесь мне было суждено многое пересмотреть в своих представлениях. После Дездемоны я рассчитывала сыграть роль такого же, лирико-драматического плана, а режиссер Георгий Викторович Константинов заговорил о Василисе из пьесы Горького «На дне». Я поначалу с большой неохотой внутренним сопротивлением бралась за эту роль. А потом внезапно пришла увлеченность этим материалом. Следом пошли роли самого различного плана. И я оценила возможность попробовать свои силы в разных жанрах.

Проводив Людмилу Павловну, я не раз приходила на наше любимое место к озеру, вспоминала ее слова. Как похожи они были на то, что говорила о себе Нина Заречная. «Я играю с наслаждением, с восторгом». В таком сопоставлении нет, по моему, ничего нарочитого. Не каждому дано сыграть чеховскую «Чайку». Но если ты способна помочь людям ощутить волшебные крылья искусства — тебя не обошла судьба счастьем.

Б. ПОМОРЦЕВА.

Штрихи к творческому портрету

А ВПЕРЕДИ ОГНИ

мона. Но процесс ее творческого самоутверждения продолжался. И, мне кажется, самые убедительные ее свершения достигаются там, где драматургический материал позволяет актрисе подчеркнуть душевное величие ее героини, рассказать о достоинстве женщины, ее способности противостоять нелегким жизненным испытаниям.

Мне припомнилась она в роли Катерины из спектакля «Долги наши». Как глубоко она сумела спрятать свою грациозность, молодость, красоту! Зато зритель сумел почувствовать другую красоту — красоту души русской женщины-колхозницы. Вот приходит она после работы в свою избу. Скользит полушало, открывая рано поседевшие волосы, тяжело ступают уставшие ноги. Вот медленно опустилась на лавку, привычно оглядев избу — все ли в порядке, встретилась взглядом с мужем Егором. Хорошо знает Егор, что в молодости отдала она свое сердце другому и сейчас помнит о нем. Но с какой бережностью, с каким боцанием проявить себя сочувствием относится Егор к жене! И такая же ласковость в ее грустноватоспокойных глазах. Где подсмотрела актриса эту степенность и величавость, свойственные русской крестьянке, как су-

залось, у этой избалованной девушки и мысли нет об их финансовых делах, их положении в обществе. Но чем больше перед нами была Лидия, тем становилось яснее, почему так опасно поглядывать на свою дочь старшая Чебоксарова. Ей суждено было сделать печальное открытие, что ее засидевшаяся в девушках Лидия — существо без сердца, что в ее игре с женихами — вполне трезвая, холодная расчетливость.

А потом — образ совершенно противоположный, сердце, полное любви, голубиная чистота: Ирина — жена царя Федора... Она немало говорит в этом спектакле. Вокруг бушуют споры, к царю обращены горячие речи пытающихся склонить его на свою сторону людей, а ей редко удается вставить слово в этом кипящем мире нетерпеливых страстей. Но именно к ней, молчаливой, затихшей над пальцами или у ног царя, то и дело обращаются глаза зрителя. Есть какая-то внутренняя значительность в этой женщине. И когда идет сцена ее объяснения с братом, когда он, Годунов, просит ее о союзнничестве, мы понимаем, как много бы значило для него ее согласие. Это — не столько политический выигрыш, сколько моральный, подтверждение его правоты.